

Селин, улетевшая по делам на другой край света, получила очередной срочный вызов. Она и без того выбилась из сил, разгребая накопившиеся завалы, и была вне себя от злости, а тут еще и Деровиэль подвернулся под горячую руку. На него мгновенно обрушился весь шквал её накопившегося гнева.

— Деро, я ведь ясно тебе говорила, что у детей невероятно нежный желудок!

— Как тебе вообще удастся доводить малыша до колик стабильно раз в день?

Деровиэлю абсолютно нечего было возразить на эту выволочку. Смущенно опустив голову, он принялся то бережно поглаживать Селю по спине, то аккуратно разминать его плечи, пытаясь хоть немного облегчить его состояние.

До этого он уже дал мальчику исцеляющее зелье, но легче тому не становилось — боль не могла утихнуть по мановению руки.

Селин мельком взглянула на экран. Заметив брошенную на землю, давно остывшую рыбу, она устало прижала ладонь ко лбу и горько усмехнулась.

— Ты совершенно не умеешь заботиться о детях. Испортил прекрасную рыбу, превратив ее в обычный уголь.

Немного успокоившись, она добавила уже мягче:

— Раз уж он расстроил желудок, пои его почаще чистой водой и потихоньку массируй живот. И запомни: больше ничего не давай ему из этого леса. Жди меня, я сама все приготовлю, когда вернусь.

Деровиэль послушно последовал совету. Опустив взгляд, он с непривычной для себя нежностью положил теплую ладонь на живот Селю и принялся мягко его массировать.

Селю приоткрыл глаза. Снизу ему был виден лишь четко очерченный профиль Деровиэля. Словно невзначай, малыш чуть повернул голову, прижался лбом к груди мужчины и прислушался. Стук сердца — ровный, спокойный — отдавался в ухе, принося странное чувство безопасности.

Заслушавшись, Селю сам не заметил, как его начало клонить в сон, и вскоре он крепко заснул, уютно устроившись на груди своего защитника.

Ощущая в руках это мягкое, теплое создание, Король демонов на миг затаил дыхание. Он нерешительно покосился в сторону чащи. Неподалеку среди деревьев пробирался падальщик — его сегодняшняя цель. Но стоило бы ему шевельнуться, и спящий малыш тут же проснулся бы.

Коснувшись эфеса висевшего на поясе меча, Деровиэль плавно обнажил клинок и небрежным движением швырнул его вперед. Оружие, словно наделенное собственной волей, бесшумно и стремительно пронеслось сквозь чашу, насквозь пробив тушу огромной твари и намертво пригвоздив ее к земле.

Но падальщики славились невероятной живучестью. Простого удара, нанесенного без капли боевой магии, было мало, чтобы прикончить монстра на месте. По-хорошему, следовало подойти и закончить дело, но Король демонов, поддавшись какому-то неясному порыву, остался сидеть на месте.

«Пусть эта тварь поживет еще немного».

Когда Селоя проснулся, его щеки все еще горели от тепла, хотя утренний воздух бодрил прохладой. Потерев лицо крошечными ладошками, чтобы не растерять остатки сонного уюта, он принялся любопытно оглядываться по сторонам.

И тут же заметил Деровиэля, неторопливо возвращавшегося из леса с мечом в руке.

«Холодный, властный... и невероятно красивый».

Селоя восторженно выдохнул и негромко произнес:

— Деро, ты обращаешься с мечом красивее всех, кого я только видел!

Движение руки, вытиравшей лезвие, на секунду замедлилось, но Деровиэль тут же вернул себе самообладание. Не поднимая головы и даже не взглянув на мальчика, он холодно заметил:

— Ты в своей жизни едва ли видел больше двух мечников. Опыта никакого, зато лстить умеешь мастерски.

В его голосе сквозили строгие, поучающие нотки.

Однако Селоя лишь тихонько улыбнулся про себя. Он прекрасно видел, как уголки губ мужчины дрогнули вверх буквально на долю миллиметра. Ну надо же, так обрадовался похвале, а признавать не хочет — гордость мешает.

Похвала явно пришлась Повелителю Гордыни по душе. Закончив чистить оружие, он отложил его в сторону, небрежно засучил рукава и, скрестив руки на груди, требовательно приподнял подбородок.

— Раз уж ты считаешь, что я так хорош, а магия тебе сейчас недоступна — самое время поучиться фехтованию.

Прежде чем Селоя успел хоть что-то сообразить, перед ним опустилась охапка небольших деревянных прутьев. Малыш судорожно перехватил их, растерянно захлопав глазами от неожиданности. Лишь спустя пару мгновений он робко вымолвил, и в его голосе прозвучала крайняя неуверенность:

— Деро... я ведь очень глупый. У меня никогда ничего не получается.

Деровиэль прищурился.

— Хочешь сказать, ты готов сдаться, даже не попытавшись?

Селоя испуганно замотал головой. Сделав пару шагов вперед, он ухватился за край плаща Деровиэля и поспешно, со всей искренностью добавил:

— Нет, я просто... просто боюсь разочаровать тебя. Если я так ничего и не пойму, виноват в этом буду только я.

Деровиэль недовольно цыкнул, и его взгляд стал еще холоднее. Почему-то ему было неприятно слышать, как мальчик безжалостно принижает себя.

Опустив руки, он подошел ближе и принялся бережно поправлять осанку и положение рук Селои.

— Я тоже никогда никого не учил, — сухо произнес он. — Ты мой первый ученик. Так что если ничего не выйдет, скорее всего, дело во мне — учитель из меня никудышный. И прекрати взваливать всю вину на себя.

Селоя послушно закивал. Почувствовав, как крупные, теплые пальцы Деровиэля направляют его ладонь, помогая правильно обхватить прут, он замер. Шероховатая кора дерева прижалась к нежной детской коже, вызывая легкое, непривычное покалывание.

Сердце мальчика забилось чаще. От волнения щеки его густо покраснели, и он стал похож на спелое наливное яблоко — до того милым и трогательным было выражение его лица.

У Деровиэля вдруг невольно зачесались зубы — безумно захотелось укусить эту сладкую щечку, но он тут же подавил эту нелепую мысль.

Набравшись терпения, он раз за разом направлял руку мальчика, поправляя хват, пока наконец не убедился, что Селоя твердо запомнил все тонкости этого базового движения.

Убедившись, что стойка идеальна, Деровиэль выпрямился и отступил на пару шагов.

— Это прямой хват. Чаще всего его используют при уколах, рубящих ударах и замахах с плеча. А теперь попробуй сам. Если возникнут трудности — спрашивай.

Оставшись без поддержки наставника, Селоя сжал прут изо всех сил. Он нервничал так сильно, что ладони мгновенно вспотели, сделав сухое дерево скользким. Потребовалось немало времени, прежде чем он наконец набрался смелости и робко повторил несколько простейших движений, которым его только что обучили.

Увы, малыш был слишком слаб. Детское запястье дрожало под весом даже такой легкой деревяшки, отчего удары выходили мягкими и неуверенными. Назвать их правильными язык не поворачивался; они смотрелись аккуратно, но в них не было ни малейшей силы, не говоря уже о грозной поступи настоящего воина.

Щеки Селои вспыхнули пунцовым цветом. Он догадывался, что с первого раза вряд ли получится идеально, но не думал, что все окажется настолько жалко.

Понутив голову, он не смел взглянуть на Деровиэля. Но и остановиться тоже не решался. Ведомый упрямством, он упрямо взмахивал прутом снова и снова, вкладывая в каждое движение все свои скромные силы. Он отчаянно пытался сделать удары увереннее, однако деревяшка то и дело описывала в воздухе нелепые кривые. Вскоре движения сделались механическими, запястье пронзила тупая боль, а мышцы рук заныли от усталости. Как бы он ни старался, хват слабел, и взмахи превратились в беспорядочное размахивание веткой, в котором уже нельзя было узнать ни одной стойки.

«Когда же все это закончится?»

Но команды остановиться все не было. Отчаяние тяжелым грузом навалилось на Селоя. При очередном замахе рука окончательно сорвалась. Не выдержав, он поджал дрожащие губы, и из глаз беззвучно хлынули слезы, прокладывая влажные дорожки по покрасневшим щекам.

Он плакал совсем тихо, вовсе не пытаясь вызвать жалость или привлечь к себе внимание — просто обида и усталость переполнили край, и сдержать их не помогали даже крепко стиснутые губы. Из покрасневших глаз одна за другой катились крупные, чистые слезы.

Деровиэль, до этого безучастно наблюдавший за ним со стороны, прислонившись к стволу дерева, наконец нарушил молчание:

— Почему ты не попросил о помощи?

Селоя шмыгнул носом. Всклипывая и дрожащими от слез ресницами смахивая влагу, он едва слышно пробормотал:

— Прости... Прости меня, Деро. Я думал, если постараюсь сильнее, то у меня получится. Я

чувствую себя таким бестолковым... Ты потратил на меня столько времени, а я не могу справиться даже с самым простым. Мне стало так стыдно, что я просто побоялся заговорить с тобой.

Деровиэль тяжело вздохнул. Присев перед мальчиком на корточки, он прижал широкую ладонь к его мокрому лицу и слегка неловким, грубоватым движением стер слезы.

— До чего же ты плаксивый, Селоя, — негромко произнес он.

Селоя виновато опустил взгляд, но в следующее мгновение удивленно распахнул глаза.

— Но вместе с тем — невероятно упорный и сильный.

Деровиэль аккуратно заставил его разжать пальцы, забрал прут, отбросил его далеко в сторону и бережно развернул детскую ладошку.

Нежная кожа ладони сильно покраснела и припухла. У основания большого пальца налился крупный водянистый мозоль. Деровиэль осторожно подул на него, отчего тонкая кожица на пузыре едва заметно дрогнула.

Селоя жалобно поморщился и попытался отнять руку.

Деровиэль, собиравшийся достать целебную мазь, замер. Он сделал глубокий вдох и внезапно произнес:

— Прости меня, Селоя.

Мальчик удивленно покачал головой и поспешил возразить:

— Тебе не за что просить прощения, Дерио!

Он упрямо насупился и добавил чуть обиженным голосом:

— Я сам виноват, что решил упрямиться. Ты тут совершенно ни при чем!

Но Король демонов лишь покачал головой. Медленно и аккуратно распределяя прохладную мазь по растерзанной ладони, он тихо ответил:

— Раз уж я вызвался обучать тебя, то несу полную ответственность за твою безопасность, какими бы слабыми ни были твои успехи. Однако я поддался дурному настроению и намеренно заставил тебя тренироваться дольше положенного, прекрасно понимая, к чему это приведет.

Это моя вина.

Селоя застыл, во все глаза глядя на мужчину. Он никогда в жизни не слышал ничего подобного. Тем временем теплые пальцы Деровиэля продолжали мягко втирать мазь в его ладонь, а ровный голос Короля демонов звучал совсем рядом:

— Расскажи мне, почему ты так упорно молчал? Я ведь ясно дал понять, что ты всегда можешь ко мне обратиться.

Пальцы мальчика невольно дрогнули. Он не хотел лгать Деровиэлю, а потому, немного помедлив, признался:

— Когда-то у меня был друг. Он говорил мне то же самое... Но когда у меня действительно начались трудности и я пришел к нему, он отказался помогать. Напротив, он начал смеяться надо мной и называть никчемным слабаком, который не способен справиться с элементарными вещами.

— А потом, во время экзамена, он воспользовался моей слабостью. На глазах у всей школы он одолел меня с помощью того самого заклинания, которое я так и не смог освоить. Тогда все вокруг твердили, что я бездарен и недостойн того, что имею.

— Я просто больше не хочу, чтобы меня называли глупым. Мне ведь тоже бывает очень больно.

Деровиэль промолчал. Лишь мгновение спустя из его уст снова сорвалось негромкое:

— Прости.

Селоя протестующе покачал головой, но Деровиэль мягко перехватил его вторую, невредимую руку и вложил в нее новый прутик. Мальчик почувствовал, как мужчина крепко, но бережно обхватил его пальцы и повел их за собой.

Тонкая ветка со свистом рассекла воздух.

На краткий миг Селои показалось, будто он и сам слился воедино с Деровиэлем. Деревянный прут в его руке словно обратился в настоящий клинок, а с его кончика хлынули потоки первозданной, сокрушительной силы.

Сияющий росчерк меча взмыл к небесам.

Ошеломленный Селоя застыл с поднятой головой, не в силах оторвать взгляда от угасающей в вышине вспышки. И тогда прямо над ухом он услышал тихий, уверенный голос Деровиэля:

— Смотри, Селоя. У тебя все получилось.

— Никогда не позволяй старым обидам лишать тебя мужества перед новыми испытаниями.

— Интриги и коварные удары в спину — это удел трусливых ничтожеств. Истинный воин никогда не дрогнет перед их жалкими кознями.

— Запомни раз и навсегда: никогда не сдавайся без боя. Не смей опускать свой меч.

— А если ударят — бей в ответ.

<http://bllate.org/book/20120/1998259>